

Посылаю Вам несколько строк по поводу вчерашнего печального события. Эти строки можно дать читать пяти-шести моим друзьям, и только; мне будет очень больно, если кто-нибудь вздумает сделать без моего согласия еще копии.

Вы и не догадываетесь, Кларинда (я хотел бы прибегнуть к аркадскому имени в переписке подобного рода), как уповая я на возможность дружбы с Вами. Не знаю, поставили ли Вы себе представление о моем характере, но мне хотелось бы, чтобы Вы видели меня в истинном свете. Я — как и большинство людей моей профессии — удивительно упрям, досадно часто оказываюсь жертвой собственной глупости и всяких чудачеств. Мои главные черты — гордыня и страстность; гордыню я надеюсь сломить, надеюсь, что на смену ей придут достоинство и чувство чести. Страстность делает меня преданнейшим, горячим слугой Любви, Веры в господа и Дружбы, каждой из этих святынь в отдельности и вместе взятых.

Да, я видел Вас лишь единожды, но как много я узнал о Вас в ту нашу первую встречу! Не думайте только, Кларинда, что я лгу Вам или что-либо задумал: я слишком горд, чтобы быть льстецом, и слишком бескорыстен, чтобы предаваться холодным расчетам; но из всех, с кем довелось мне познакомиться на моем жизненном пути, Вы поразили меня более всего — это для меня самое глубокое, самое сильное, непреходящее впечатление, я сказал непреходящее, потому что я прекрасно знаю самого себя...

СИЛЬВАНДЕР

Пятница
28 декабря 1787

Я уверен — я видел Вас, Кларинда, но вы не взглянули наверх, туда, где окна обители поэта.

«Там, где под небом дремлют мысли».

С досады я чуть не выбросился из окна. Отчего же вы не посмотрели выше? Покой мой был нарушен. Быть так близко от очаровательной Кларинды и не встретить ее взгляда, тогда как она искала моего! Поверьте — душа тоже может заболеть, моя душа была объята пламенем лихорадки...

Кларинда, в дружбе я постоянен, дружба моя — пожизненная рента. Мои привязанности — сильные и вечные...

СИЛЬВАНДЕР

Четверг, полдень
10 января 1788

12 января 1788

Суббота, утро

...Коли в Ваших стихах — как Вы дали мне понять — есть упреки в мой адрес, не отсылайте их мне, если Вы не хотите порвать со мной.

У меня есть небольшой изъян: я не могу слышать упреки из уст тех, кого я нежно люблю или ценю превыше всего.

«Почитай самого себя» — сокровенная максима, как мне хотелось бы следовать ей! Я, кажется, говорил Вам, как лорд Болингброк сказал однажды Свифту: «Прощай, милый Свифт! Люблю тебя безраздельно со всеми твоими недостатками, так постарайся же любить меня со всеми моими». Прекрасная мысль, иначе дружба была бы невозможна!

Понедельник, вечер, 11 часов

14 января 1788

Почему Вы молчите, Кларинда? Я так ждал от Вас сегодня весточки; перед ужином, когда мне сказали, что для меня есть письмо, сердце в груди забилось неистово, но — увы! — то было письмо от какого-то болвана, приславшего мне первые плоды своей болтовни. «Это не поэзия, а проза безумца»! Читал ли Вы эпиграмму, которую написал на г-на Элфинстона, сделавшего переводы Марциала, известного латинского поэта? Поэзию Элфинстона можно сравнить разве что с прозаическим комментарием. Я сидел как-то в лавке моего знакомого торговца — я назначил там встречу с одним лицом, а владелец лавки дал мне Элфинстона и заинтересовался моим мнением об этих стихах. Я испросил разрешения изложить его на бумаге, что и сделал.

О, ты, кого поэзия изгнала,

Кто в нашей прозе места не нашел, —

Ты слышишь крик поэта Марциала:

«Разбой! Грабедж! Меня он перевел!»

(Перевод С. МАРШАКА)

Хочу навестить Вас в субботу вечером — если это возможно... А на следующей неделе я буду петь прощальную песню.

Я ночь прощанья коротаю,

Наутро время уезжать.

Друзей бросая, забираю

Одно желание — бежать!

*Припомнить в суетной надежде
Не рвусь ни дел своих, ни слов.
Желаю вам, друзья, как прежде,
Всех радостей и добрых снов!»²*

(Перевод А. СОЛЯНОВА)

Если бы я смог повидать Вас пораньше, я был бы счастлив, но я не позволю себе испытывать сладчайшую земную радость, если это доставит Вам неприятности, ведь мир суров. Или нарушит покой души.

Конечно, стыжусь, что исписал столько бумаги — и все так бессвязно. Единственное, что объединяет (грустное слово для поэтов и критиков!) мои мысли, — это Вы, Кларинда. Сердце «царствует и ликует».

Искусница и чаровница,

Как вездесуща власть твоя!

Врагов заставишь помириться

И бросишь в рабство короля.

Спастишь мы, тщимся неизменно

От власти этой вновь и вновь,

Но смелость наша в чарах плена

Разбита о тебя, Любовь!»³

(Перевод А. СОЛЯНОВА)

Мне нравится, что на любой случай у меня про запас читата. Они помогают мыслям сладко звучать и спасают от трудов искать слова, достойные выразить мои чувства. Мне кажется, что одна из величайших радостей, дарованных природой поэтическому гению, заключается в том, что поэт в стихах запечатлевает наши скорби, тревоги, радости, любовь. Стихи — отдохновенные души моей. Прекрасно сказал Голдсмит о своей Музе:

Ты — кладезь бед и радостей моих,

Вот отчего я нищету свою постиг!»⁴

Нога сегодня гораздо лучше, я хожу почти без посторонней помощи по лестнице. Завтра надеюсь сам пойти в гости. На соседнюю улицу. Прощайте!

СИЛЬВАНДЕР

¹ Александр Поп. Пролог к сатирическим стихотворениям.

² Шотландская народная песня.

³ Шотландская народная песня.

⁴ Элегия Оливера Голдсмита «Пскинутая деревня».

Предисловие, примечания и перевод
с английского
А. НИКОЛАЕВСКОЙ